СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович, ведущий научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуально-го законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: 1956af@mail.ru

Статья подготовлена на основе тезисов доклада автора на Шестом Евразийском антикоррупционном форуме «Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции» (г. Москва, 26—27 апреля 2017 г.) и посвящена социальному контролю как регулятору общественных отношений, заключающемуся в выработке и реализации социальных норм, которые позволяют поддерживать соблюдение правил жизни, обеспечивающих социально значимые интересы общества.

Обосновывается выделение антикоррупционного социального контроля, основу которого составляют соответствующие социальные нормы, включая нравственные и религиозные нормы, нормы морали и права. Отмечается, что оценка деятельности юридического лица как безнравственной и греховной может быть одной из составляющих обоснования необходимости криминализации деяний юридических лиц либо установления за такого рода деяния административной ответственности.

По мнению автора, если рассматривать безнравственное и греховное деяние юридического лица с позиции духовного мира, то у юридического лица такого мира нет. Однако это не должно являться препятствием для оценки деяния юридического лица как безнравственного или греховного, ведь такую оценку дает общество, которое может осудить юридическое лицо за содеянное как с нравственных, так и с религиозных позиций.

Автор приходит к следующему выводу: не все, что применимо к конкретному человеку, может быть применимо к юридическому лицу, но право и нравственность развиваются таким образом, что, возможно, в перспективе общественное осуждение юридических лиц за совершение коррупционных деяний, признаваемых обществом греховными и безнравственными, станет не менее эффективной мерой воздействия, чем привлечение юридического лица к административной или уголовной ответственности.

Ключевые слова: социальный контроль, право, нравственность, грех, нравственные основы уголовной ответственности, уголовная ответственность юридических лиц, административная ответственность юридических лиц.

SOCIAL CONTROL AND CORRUPTION OFFENCES OF LEGAL ENTITIES

A. V. FEDOROV, leading research fellow of the Department of criminal and criminal procedure legislation; judicial systems of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, deputy head of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: 1956af@mail.ru

The article is based on the theses of the report at the VI Eurasian Anti-Corruption Forum “Social control as a key factor of anti-corruption” (Moscow, April 26—27, 2017) and is devoted to social control as a regulator of public relations, which consists in the development and implementation of social norms, allowing to maintain compliance with the rules of life, providing socially significant public interests.

In addition the allocation of anti-corruption social control is justified, based on the relevant social norms, including moral and religious norms, morality and law. In particular, it is noted that the assessment of the activities of a legal entity as immoral and sinful may be one of the components of the justification for the need to criminalize the acts of legal entities or to establish administrative liability for such acts.

In the opinion of the author, if we consider the immoral and sinful act of a legal entity from the position of the inner world, then the legal entity does not have such a world. However, this should not be an obstacle for assessing the act of a legal entity as immoral or sinful, because such an assessment is given by a society that can condemn a legal entity for actions committed from the moral and religious positions.

On the basis of the analysis it is concluded that not everything that is applicable to a particular person can be applied to a legal entity, but the law and morality are developing in such a way that, perhaps in the long term, the public condemnation of legal entities for committing corrupt offences, recognized by the population as sinful and immoral, will become no less effective measure of impact than the attraction of a legal entity to administrative or criminal liability.

Keywords: social control, law, morality, sin, moral basis of criminal responsibility, criminal liability of legal entities, administrative responsibility of legal entities.

DOI: 10.12737/article_598063fa635249.09605022

Социальный контроль как регулятор общественных отношений, заключающийся в выработке и реализации социальных норм, позволяет поддерживать соблюдение правил жизни, обеспечивающих различные социально значимые интересы общества. В связи с этим имеются все основания для выделения наряду с другими видами контроля антикоррупционного социального контроля, основу которого составляют соответствующие социальные нормы, включая нравственные и религиозные нормы, нормы морали и права.

В то же время, как представляется, обозначенная постановка вопроса требует уточнения подходов к определению социального контроля как такового. Здесь уместно напомнить широко цитируемое в прошлом высказывание: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натякаться” на эти общие вопросы»¹.

Социальный контроль — сложное и многозначное понятие, раскрываемое по-разному в политологии, философии, психологии, социологии. В науке управления, например, социальный контроль рассматривается как одна из форм управления обществом. При этом в ряде концепций имеет место отождествление социального и общественного контроля.

В социологических исследованиях социальный контроль обычно рассматривается как механизм поддержания общественного порядка посредством регулирования социальными нормами складывающихся в обществе отношений. Традиционно указывается, что социальный контроль состоит из двух элементов. Первый элемент — это социальные нормы, определяющие должное поведение людей, к каковым относятся нравственные, религиозные и правовые нормы. Второй элемент — социальные санкции — средства поощрения и наказания, стимулирующие людей соблюдать социальные нормы.

Нравственные, религиозные и правовые нормы объединяет то, что они предусматривают алгоритм должного поведения человека, общепринятый на конкретном этапе исторического развития для определенной территории или группы лиц, а также реакцию государства и общества в случае нарушения этого алгоритма.

При этом нарушение физическим лицом социальных норм рассматривается в зависимости от ситуации как безнравственное поведение, грех, преступление.

Однако мир меняется. По мере развития социально-экономических отношений понятия безнравственного поведения, греха и преступления наполняются новым содержанием, что в настоящее время позволяет обоснованно говорить о социальном контроле не

только применительно к конкретному человеку, но и к юридическому лицу.

Так, в современном мире во многих странах одной из важнейших составляющих противодействия коррупции стало установление уголовной ответственности юридических лиц². Причиной ее введения является рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды физическими лицами³.

При этом «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности»⁴.

В Российской Федерации еще не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, но уже установлена для них административная ответственность, в том числе за коррупционные правонарушения.

Оценивая указанную ситуацию с позиции социального контроля, представляется необходимым признать юридические лица, с одной стороны, объектами социального контроля, с другой стороны, субъектами коррупционных правонарушений, и не только административных, ведь значительная часть правонарушений, за которые предусмотрена административная ответственность юридических лиц, фактически обладает всеми признаками, присущими преступлениям.

Долгое время главным критерием отграничения преступлений от других правонарушений являлся материальный признак — высокая степень общественной опасности, выражающаяся в способности причинять вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Теперь уже не только отдельными учеными, но и решениями Конституционного Суда РФ признается, что административные правонарушения юридических лиц могут представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью преступлений, а в некоторых случаях и превосходящую ее⁵.

² Об этом см.: Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 55—63.

³ За рубежом к числу преступлений, совершаемых юридическими лицами, относятся преступления в сфере экономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления, преступления в сферах экологии, охраны труда и ряд других.

⁴ Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2013. С. 153.

⁵ См. определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жа-

¹ Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям // Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1972. С. 368.

Основным доводом противников уголовной ответственности юридических лиц является утверждение, что у юридического лица не может быть вины.

Естественно, если исходить из традиционного понимания субъекта преступления как физического лица, то у юридического лица нет вины в виде его психического отношения к совершенному деянию. Но если признать, что юридическое лицо может быть субъектом преступления, и привести российское уголовное законодательство в этой части в соответствие с реалиями нашего бытия, проблемы с определением вины нет. Достаточно использовать уже апробированные нормы административного законодательства, согласно которым юридическое лицо признается виновным в совершении правонарушения, если у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ст. 2.1 КоАП РФ).

При этом нет необходимости предусматривать в законодательстве какие-то особые преступления для юридических лиц. Они уже определены, так как ряд существующих административных правонарушений юридических лиц по объективной стороне полностью совпадает с деяниями, предусмотренными уголовным законом в качестве преступных. Достаточно будет признать, что юридическое лицо может быть субъектом этих преступлений.

Закреплено в уголовном законодательстве и основное наказание, которое может быть применено к юридическим лицам. Это штраф. Причем на данный момент по ряду преступлений, совпадающих по объективной стороне с административными правонарушениями юридических лиц, предусмотренный уголовным законом размер штрафа даже ниже, чем административный штраф за соответствующие деяния, что противоречит концепции признания административных правонарушений менее опасными, чем преступления, и, соответственно, наказуемыми менее строго.

Например, за дачу взятки максимальный размер штрафа определен ст. 291 УК РФ в сумме до девяностократной суммы взятки, но не более 500 млн руб. (ст. 46 УК РФ), тогда как по ст. 19.28 КоАП РФ за взятку (незаконное вознаграждение от имени юридического лица) установлен штраф в размере до стократной суммы переданных или обещанных денежных средств без какого-либо верхнего ограничителя суммы штрафа.

Наступило время замаскированные под видом административных правонарушений преступления

юридических лиц, образно говоря, вывести «на свет божий». Объективная обусловленность такого решения уже не раз раскрывалась в научных публикациях.

Констатация возможности совершения юридическими лицами преступлений и необходимость применения к ним уголовных наказаний уже у многих ученых и практиков не вызывает сомнений.

Однако с позиции социального контроля должны быть приняты во внимание и другие социальные нормы. В частности, в обыденном сознании преступление, в том числе коррупционное, ассоциируется, как правило, с безнравственным поведением и даже грехом⁶.

Более того, часто преступление — это конечный продукт греха или безнравственного поведения.

Признавая юридическое лицо субъектом коррупционного преступления, можно ли считать его субъектом совершения безнравственного или греховного деяния? Если говорить об объективной стороне содеянного, то, несомненно, можно⁷.

Если рассматривать безнравственное и греховное деяние юридического лица с позиции духовного мира, то у юридического лица такого мира нет. Однако это не является препятствием для оценки деяния юридического лица как безнравственного или греховного, ведь такую оценку дает общество, которое может осудить юридическое лицо за содеянное как с нравственных, так и с религиозных позиций⁸.

Более того, именно такая оценка обществом является одной из составляющих криминализации деяний юридических лиц за рубежом, а в Российской Федерации — установления для них административной ответственности.

Таким образом, имеются все основания для констатации наличия нравственных и религиозных оснований установления ответственности юридических лиц за коррупционные противоправные деяния. Фактически имеет место трансформация представлений о нравственном поведении и грехе в нормы права⁹.

⁶ В то же время следует учитывать, что грех имеет место уже при появлении греховных мыслей. То есть еще ничего не произошло, не было никаких деяний, а человек уже согрешил. Это наглядно подтверждает постулат, что греховное не всегда преступно и греховные деяния часто не являются преступлениями, но совершенное преступление уже, как правило, есть грех и нарушение нравственных норм.

⁷ Об этом, например, см.: Федоров А. В. Преступления юридических лиц как безнравственные и греховные деяния // Российский следователь. 2017. № 8. С. 32—35.

⁸ Преступление является нарушением законов государственных, безнравственное поведение — нарушением нравственных норм, образно говоря, законов человеческих, грех — нарушением соответствующих религиозных норм, законов Божьих.

⁹ Российскими учеными неоднократно рассматривался процесс трансформации представлений о нравственном по-

лобы общества с ограниченной ответственностью «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Не все то, что применимо к конкретному человеку, может быть применимо и к юридическому лицу, но право и нравственность развиваются таким образом, что все большее из того, что ранее применялось только к физическому лицу, применяется теперь и к лицу юридическому, и вполне возможно, что общественное осуждение юридических лиц за совершение коррупционных деяний, признаваемых населением греховными и безнравственными, станет в перспективе не менее эффективной мерой воздействия, чем привлечение юри-

дического лица к административной или уголовной ответственности.

При этом есть все основания полагать, что в XXI в. будет дана должная правовая оценка коррупционным и иным деяниям юридических лиц, оцениваемым российским обществом как безнравственные и греховные, и российский законодатель признает уголовно наказуемыми наиболее опасные из них¹⁰.

В силу произошедших в российском обществе социально-экономических изменений юридические лица становятся объектом социального контроля, что требует научного осмысления, в том числе в рамках рассмотрения социального контроля как ключевого фактора противодействия коррупции.

ведении и грехе в нормы права и морали. См., например: *Есипов В. В.* Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894; *Бойко А. И.* Нравственно-религиозные основы уголовного права: монография. Ростов н/Д., 2007; *Георгиевский Э. В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаичного политеизма к русскому православию. М., 2014; *Беспалько В. Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015.

¹⁰ См.: *Федоров А. В.* Введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц как результат объективной обусловленности развития уголовного права в пространстве и времени // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 6. С. 1063—1067.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беспалько В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015.
- Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права: монография. Ростов н/Д., 2007.
- Георгиевский Э. В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаичного политеизма к русскому православию. М., 2014.
- Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Бра-туса. М., 2013.
- Есипов В. В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894.
- Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям // Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1972.
- Федоров А. В. Введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц как результат объективной обусловленности развития уголовного права в пространстве и времени // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 6.
- Федоров А. В. Преступления юридических лиц как безнравственные и греховные деяния // Российский следователь. 2017. № 8.
- Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1.